

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Ф. БУДАНОВА*

«ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»: ЗАГАДКИ ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВЕСТИ

Ключевые слова: цензурная история, подпольный человек, подполье, идеалы общественного устройства, хрустальный дворец, христианское братство.

В статье предпринята попытка анализа цензурной истории повести Достоевского «Записки из подполья», в частности искажений текста X главы, о чем Достоевский сообщал брату Михаилу в письме от 26 марта 1864 г. Трудности в изучении этого вопроса связаны с тем, что изъятый текст не сохранился. Автором данной статьи предложена версия причин и последствий цензурного вмешательства, основанная на анализе повести в контексте некоторых произведений Достоевского начала 1860-х гг.

I

Повесть «Записки из подполья» была впервые опубликована в 1864 г. в журнале «Эпоха» (январский, февральский и апрельский номера).

Творческая история повести достаточно изучена по сохранившимся (увы, не полностью) рукописным и печатным источникам. Однако в ней существуют «белые пятна». Одно из них, чрезвычайно существенное для понимания авторского замысла и концепции «Записок из подполья» в целом, связано с загадочной цензурной историей повести.

Работа писателя над «Записками из подполья» подвигалась медленно, о чем он сетовал в письмах к брату Михаилу. К трудностям творческого характера добавились еще цензурные препоны. Когда Достоевский получил двойной номер «Эпохи» с публикацией первой части повести «Подполье», то обнаружил там не только ряд «ужасных опечаток», но и следы цензурного вмешательства. Пришлось согласить-

* Нина Федотовна Буданова, д-р филол. наук, вед. научн. сотр. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, член редколлегии нового академического издания Полн. собр. соч и писем. Ф.М. Достоевского в 35 т. — troftat@yandex.ru.

ся с требованием цензуры и изъять из главки X первой части повести фрагмент важного для него текста.

Изъятый цензурой текст не сохранился. Единственным свидетельством цензурного вмешательства в повесть является авторское признание Достоевского в письме к брату Михаилу от 26 марта 1864 г.: «...уж лучше было совсем не печатать предпоследней главы (самой главной, где самая-то мысль и высказывается), чем печатать так, как оно есть, то есть с надерганными фразами и противуреча самой себе. Но что же делать? Свины цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал *для виду*, — то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа — то запрещено. Да что они, цензора-то, в заговоре против правительства, что ли?» (28₂, 73).

Отмечу важность этого свидетельства. Ведь утверждением потребности (необходимости) для героя «веры и Христа» писатель намечал для него путь выхода из «подполья» к «живой жизни». Очевидно, этот замысел не мог исчезнуть бесследно и должен как-то сохраниться и в известном всем печатном тексте повести.

Обозначу загадки цензурной истории «Записок из подполья».

Загадка первая. Каким образом намеревался Достоевский привести своего героя, атеиста и бунтаря, к мысли о «потребности веры и Христа»? Напомню, что подпольный парадоксалист, блестящий диалектик и полемист, хорошо знакомый с западноевропейской и современной русской отечественной мыслью, нигде не упоминает о Боге, Христе, христианстве¹.

Загадка вторая. Что могло привлечь особое внимание цензуры и насторожить ее в тексте повести, где выражалась мысль о «потребности веры и Христа»? Подобную мысль, казалось бы, цензура должна была приветствовать как путь выхода для героя из замкнутого и безысходного круга своеволия и бунта.

Загадка третья. Почему Достоевский не восстановил впоследствии этот важный для понимания общего смысла повести текст, где, по определению писателя, «самая-то мысль и высказывается»?

По мнению Р. Джексона, главная мысль Достоевского в «Записках из подполья», «(прямо выраженная в предпоследней главе 1-й части в отрывке, вычеркнутом цензором, и драматически открывающаяся читателю в развязке истории с Лизой) состоит в том, что только через христианскую любовь и самопожертвование — не через самоутверждение,

¹ Общее недоумение ученых по поводу свидетельства Достоевского выразил С. Г. Бочаров, отметивший особую сложность различения в «Записках» голосов автора и героя: «Странно здесь это личное “я”, как будто глумливую речь своего героя автор берет на себя <...> Странно, с другой стороны, представить, как человек из подполья вывел бы от себя потребность Христа. Разгадать мы этого не можем — следов того, что здесь от цензуры погибло, у Достоевского не осталось <...> Тем не менее это — “вывел потребность” в связи с “подпольем” именно — сохранилось в письме» (Бочаров С. Г. «Записки из подполья»: «музыкальный момент» // Новый мир. 2007. № 2. С. 162).

прихоть, иррациональный бунт, “дважды два пять” — человек может разорвать цепь внутренне связывающего и ослепляющего его детерминизма. Только так он может достичь подлинной свободы и полного выражения своей личности. Решение проблемы человека — это решение этическое, а не арифметическое»². «Христианский экзистенциализм» Достоевского Р. Джексон противопоставляет «застывшей, отчаянной, не идеализированной, почти атеистической точке зрения подпольного человека»³.

Эта точная и тонкая формулировка центральной идеи повести близка к выводам, ранее сделанным А. П. Скафтымовым в его замечательной статье «“Записки из подполья” среди публицистики Достоевского» (1929)⁴, основанной на сравнительном изучении «Записок» и публицистики Достоевского начала 1860-х гг.

Критикуя идущие еще от Н. Н. Стрхова и Л. Шестова попытки сближения и даже отождествления Достоевского с его подпольным героем, А. П. Скафтымов напоминает о том, что подпольный человек не только обличитель, но и обличаемый и что общая концепция повести позволяет четко различить точки зрения героя и его создателя: «До тех пор, пока выясняется неискоренимая потребность индивидуальной самостоятельности, пока защищается полная свобода волевого самоопределения, автор и подпольный герой выступают заодно, здесь они союзники. Подпольным героем Достоевский констатирует силу индивидуального самосознания в развитой человеческой личности. Но *должные и высшие проявления* этой силы он усматривает и указывает не там, где подпольный человек, не в эгоистической притязательности личности, не в разрушительном неприятии мира и человека, а как раз на противоположном полюсе: в радости любви и самоотдания (ср. публицистику К. Аксакова, Хомякова)»⁵.

Опираясь на эти бесспорные, на мой взгляд, суждения ученых об общей концепции «Записок из подполья», попытаюсь ответить на поставленные выше вопросы, связанные с цензурной историей повести. Предложенная мной гипотеза основана на анализе текста «Записок из подполья» и прежде всего: главок X (искаженной цензурным вмешательством), XI — первой части «Записок»; заключительной X — второй части; авторских разъяснений понятий «подполье», «подпольный тип», «живая жизнь», а также на изучении «Записок из подполья» в контексте некоторых произведений Достоевского того же периода — начала 1860-х гг. Речь идет о «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), незавершенной статье «Социализм и христианство» (1863–1864; сохранился лишь черновой набросок). Добавлю, что близкие

² Джексон Р. Л. Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М., 1998. С. 138.

³ Там же. С. 133.

⁴ Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 88–133.

⁵ Там же. С. 90–91.

идеи религиозно-философского характера были высказаны писателем в записи от 16 апреля 1864 г. по поводу смерти М. Д. Достоевской.

Эти произведения, не привлекавшие специального внимания ученых в связи с «Записками из подполья», могут служить своеобразным автокомментарием к повести, в которой проблемы религиозно-философского характера из-за цензурного вмешательства отчасти остались в подтексте.

II

Обратимся к печатному тексту главки X первой части «Записок из подполья», подвергшейся цензурному вмешательству. В ней герой-максималист ядовито высмеивает и отвергает ложные идеалы человеческого жизнеустройства, предлагаемые западными буржуазными мыслителями и утопическими социалистами, которые он язвительно уподобляет «курятнику», «муравейнику», «капитальному зданию, с квартирами для бедных жильцов, по контракту на тысячу лет» (5, 120).

Подпольный парадоксалист отвергает ложный идеал «хрустального здания», «хрустального дворца» во имя подлинного, высшего идеала, которого он жаждет, но никак не может найти. «Подполье» — это вовсе не его идеал, это его сознательная изоляция, за неимением истинного высшего идеала. «Не смотрите на то, что я давеча сам хрустальное здание отверг, единственно по той причине, что его нельзя будет языком подразнить, — заявляет подпольный — <...> Я, может быть, на то только и сердился, что такого здания, которому бы можно было и не выставить языка, из всех ваших зданий до сих пор не находится» (5, 120).

«Итак, да здравствует подполье» — восклицает парадоксалист, но вскоре добавляет: «Эх! Да ведь я тут вру! Вру, потому что сам знаю, как дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, которого я жажду, но никак не найду! К черту подполье!» (5, 121)⁶.

Рискну предположить, что в первоначальном, не искаженном цензурным вмешательством тексте главки воображаемый оппонент парадоксалиста (а он появляется впервые у Достоевского именно в «Записках из подполья») мог противопоставить подпольному мировоззрению христианское понимание свободы и подлинно свободной личности, а также охарактеризовать идеал христианского братства, того «золотого века», к которому инстинктивно тянется подпольный человек. И здесь мы находим поразительные аналогии в «Записках из подполья» и названных выше произведениях, особенно в «Зимних заметках о летних впечатлениях». Приведу примеры.

⁶ К. Мочульский, назвавший подпольного «разочарованным идеалистом и устыдившимся гуманистом», полагает, что «мечта о подлинном земном рае — главная мысль “Записок”» (Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 345).

Тема «идеалы ложные и идеал высший, истинный», центральная тема размышлений подпольного в главке X первой части «Записок из подполья», появилась раньше в «Зимних заметках о летних впечатлениях». В главке «Опыт о буржуа» Достоевский высмеивает буржуазные представления о свободе, равенстве и братстве, особое внимание уделив «братству».

Образы «хрустальный дворец», «хрустальное здание» (символы будущего «золотого века»), ядовито высмеянные парадоксалистом, восходят к «кристальному дворцу», павильону Всемирной промышленной выставки 1862 г. близ Лондона, иронически описанному Достоевским в «Зимних заметках». Павильон поразил современников своим величием и явился для многих посетителей олицетворением величия и могущества человеческой мысли, мощного прогресса европейской цивилизации, ее высоких научных и технических достижений. Однако для автора «Зимних заметок» «кристальный дворец» (как «хрустальный дворец», «хрустальное здание» для подпольного) — это ложный идеал, декорация, фасад европейской цивилизации, еще более подчеркивающий социальные контрасты и бездуховность буржуазного общества в целом, неспособность «западной личности» к братству. Не случайно символами выставки, ее ложного величия становятся Ваал и Вавилон. «Вы чувствуете, — пишет Достоевский, — что много надо вековечного духовного отпора и отрицания, чтоб не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующего за свой идеал...» (5, 70).

Этому ложному идеалу Достоевский противопоставляет в «Зимних заметках» идеал истинный — христианское братство, а личности эгоцентрической, самодовлеющей — личность альтруистическую, достигшую высшего духовного развития, способную на подвиг и жертву.

Писатель следующим образом формулирует свое представление о подобной личности (идеалом ее для него был Христос): «...самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности. Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями» (5, 79). В «Зимних заметках» Достоевский рисует должные, идеальные (с его точки зрения, подлинно христианские) отношения между *я* и *все*, личностью и обществом, снимающие неизбежные противоречия между ними. По мнению писателя, в настоящем братстве «не отдельная личность, не *я*, должна хлопотать

о праве своей равноценности и равновесности со всеми *остальными*, а всё-то это *остальное* <...> должно бы было признать его равноценным и равноправным себе, то есть всему остальному, что есть на свете» (5, 79). С другой стороны, «бунтующая и требующая личность» должна не только не требовать своего права, но, напротив, «отдать его обществу без всяких усилий» (5, 79). Однако «западная личность» «не хочет делиться — ну и не выходит братства» (5, 79).

Достоевский решительно отвергает проекты регламентированного, принудительного братства, предлагаемые западными социалистами: подлинное братство должно быть свободным, добровольным, создаваемым по велению сердца. Возможно, христианское братство как завершающий этап мировой истории Достоевский имел в виду еще в черновом наброске статьи «Социализм и христианство», где им были намечены три этапа в истории человечества: патриархальные общины, цивилизация и высший, финальный этап в поступательном развитии человечества — христианское братство.

Цивилизацию писатель характеризует как сложный переходной период в истории человечества, для которого характерны развитие личного сознания и отрицание непосредственных идей и законов (авторитетных, патриархальных законов масс). Путь к христианскому братству как финалу и цели человеческого существования, по мнению писателя, был указан Христом, «вековечным от века идеалом, к которому стремится и по законам природы должен стремиться человек» (20, 172 — запись по поводу смерти М. Д. Достоевской). В финале этого пути — добровольное, свободное, сознательное возвращение в массу высокоразвитой личности. «Достигнуть полного могущества сознания и развития, вполне сознать свое *я* — и отдать это всё самовольно для всех» (20, 192) — так отвечает писатель на поставленный им же вопрос: «В чем идеал?»

Выскажу предположение, что именно идея возможности христианского братства на земле, своеобразного «земного рая», «золотого века» могла насторожить цензуру, которая расценила ее как противоречащую официальному церковному взгляду на конечные судьбы мира и человека, а также библейским пророчествам о «новой земле» и «новом небе». Напомню, что позднее К. Н. Леонтьев усмотрел в Пушкинской речи Достоевского следы влияния хилиазма.

III

Возникает закономерный вопрос: насколько писателю удалось после цензурного вмешательства сохранить «главную мысль “Записок из подполья”»? Ведь отказаться от нее совсем он не мог: пропал бы основной смысл повести. Обратимся к финальной главке второй части «Записок из подполья», где неожиданно и именно в суждениях подпольного парадоксалиста (это следует особенно отметить) возникает

антитеза «подполье» / «живая жизнь», ключевые понятия-символы мировоззрения и творчества Достоевского 1860-х — 1870-х гг. Однако в отличие от неоднократных авторских разъяснений смысла «подполья» аналогичных истолкований «живой жизни» не существует, хотя упоминание о ней как об идеале должного человеческого жизнестроительства у Достоевского нередки⁷.

Особенно интересны характеристики подпольного типа и подполья, содержащиеся в черновых записях Достоевского 1870-х гг., отражающие многолетние размышления писателя на эту тему. В них определены причины «подполья» и намечен выход из него к «живой жизни». Приведу выдержки из чернового наброска предисловия к «Подростку» 1875 г.:

«Нет *оснований* нашему обществу, не выжито правил, потому что и жизни не было. Колоссальное потрясение, — и всё прерывается, падает, отрицается, как бы и не существовало. И не внешне лишь, а внутренне, нравственно <...> А подполье и “Записки из подполья”. Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека *русского большинства* и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону <...> Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться! Что может поддержать исправляющихся? Награда, вера? Награды — не от кого, веры — не в кого! Еще шаг отсюда, и вот крайний разврат, преступление (убийство). <...> Причина подполья — уничтожение веры в общие правила. “*Нет ничего святого*”» (16, 329–330).

В Записной тетради Достоевского за 1872–1875 гг. подчеркнут трагизм «подполья» и названы такие черты типа, как «безмерная гордость», «безмерное самопрезирание», отсутствие твердых нравственных идеалов, веры, жажда их обретения и неверие в возможность достижения этого. При столкновении с действительностью подпольный «падает ужасно, страшно, немощно» (16, 407). Диагноз болезни тот же: отрыв представителя «культурного слоя» от народной почвы и веры. Значит, и выход из «подполья» — возвращение к национальным истокам, традициям, вере.

Очевидно, следует выяснить, какое содержание вкладывает подпольный человек в понятие «живая жизнь». Обратимся к тексту: «...мы все отвыкли от жизни, — рассуждает подпольный, — ...Даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей “*живой жизни*” какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда нам напоминают про нее. Ведь мы до того дошли, что настоящую “*живую жизнь*” чуть считаем за труд, почти что за службу, и все мы про себя согласны, что по книжке лучше <...> Ведь мы даже не знаем, где и живое-то живет теперь и что

⁷ Подробнее об этом см.: Буданова Н. Ф. 1) «Подполье» и «живая жизнь» в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Русская и мировая литература: Сравнительно-исторический подход. Уфа, 2014. С. 13–18; 2) «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского: некрасовский текст и подтекст // Русская литература. 2015. № 2. С. 148–155.

оно такое, как называется? <...> Оставьте нас одних, без книжки, и тотчас запутаемся, потеряемся, — не будем знать, куда примкнуть, чего придерживаться; что любить и что презирать? Мы даже и человеками быть тяготимся, — человеками с настоящим *собственным* телом и кровью; стыдимся этого, за позор считаем и норовим быть какими-то небывалыми общечеловеками. Мы мертворожденные, да и рождаемся-то давно уж не живых отцов, и это нам всё более и более нравится <...> Скоро выдумаем родиться как-нибудь от идеи» (5, 178–179; курсив мой. — Н. Б.). Важно подчеркнуть в данном случае, что Достоевский солидарен со своим героем в оценке русской интеллигенции, оторванной от национальных корней и «живой жизни», руководствующейся отвлеченными книжными представлениями о российской действительности («общечеловеки»). По существу, это почвеннические идеи самого писателя начала 1860-х гг.⁸ У подпольного парадоксалиста, как и у самого писателя, понятие «подполье» и «живая жизнь» — антитезы.

В черновом наброске статьи «Социализм и христианство» Достоевский, характеризуя болезненное состояние современной цивилизации, употребляет выражение «живая жизнь»: «Это состояние, то есть распадение масс на личности, иначе цивилизация, есть состояние болезненное. Потеря *живой идеи о Боге* тому свидетельствует. Второе свидетельство, что это есть болезнь, есть то, что человек в этом состоянии чувствует себя плохо, тоскует, теряет *источник живой жизни*, не знает непосредственных ощущений и всё сознает» (20, 192; курсив мой. — Н. Б.).

Здесь, по существу, уже представлены в общих чертах психологический облик и мировоззрение подпольного парадоксалиста, а также выражена мысль, что вера в Бога и бессмертие души — необходимые составляющие «живой жизни»⁹.

Мысль эта, очевидно, была достаточно отчетливо выражена Достоевским в предпоследней (десятой) главке первой части «Записок» (по определению писателя, «самой главной, где самая-то мысль и высказывается» (28₂, 73)).

Последняя итоговая главка «Записок из подполья» представляет героя подполья в состоянии прозрения и раскаяния. Он следующим образом объясняет мотив, побудивший его обратиться к писанию повести «По поводу мокрого снега»: «По крайней мере мне было стыдно, всё время как я писал эту *повесть*: стало быть, это даже не литература, а исправительное наказание» (5, 178).

⁸ См.: Буданова Н. Ф. 1) От «общечеловека» к «русскому скитальцу» и «всечеловеку» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 200–212; 2) «И свет во тьме светит...» К характеристике мировоззрения творчества позднего Достоевского. СПб., 2011. С. 263–278.

⁹ Эта же мысль подчеркнута в «Дневнике писателя за 1876 год», где говорится о необходимости веры в бессмертие души человеческой как о «единственном источнике *живой жизни* на земле — жизни, здоровья, здоровых идей и здоровых выводов и заключений» (24, 53. Курсив мой. — Н. Б.).

О прозрении подпольного парадоксалиста, на мой взгляд, свидетельствуют не только приведенная выше и совпадающая с авторской критическая оценка поколения «общечеловеков», трагически оторванных от национальной «почвы» и веры, но также его глубокий анализ характера Лизы и ее отношение к нему; признание им ее нравственного превосходства над собой. Характерно, что встречу с Лизой подпольный парадоксалист глубоко осмысляет (согласно с замыслом самого писателя) как столкновение подполья с «живой жизнью». Он понимает теперь, что Лиза пришла к нему не для того, «чтоб жалкие слова слушать», а чтобы любить его, «потому что для женщины в любви-то и заключается всё воскресение, всё спасение от какой бы то ни было гибели и всё возрождение, да иначе и проявиться не может <...> “Живая жизнь” с непривычки придавила меня до того, что даже дышать стало трудно» (5, 176).

По точному наблюдению Арпада Ковача, сюжетная трансформация, характеризующаяся мотивом прозрения, «была впервые осуществлена Достоевским в “Записках из подполья”». Тем самым и определялась решающая роль повести в переходе к крупным романам, в ней был создан новый тип героя»¹⁰.

И, наконец, последняя из перечисленных выше загадок цензурной истории «Записок из подполья». Почему Достоевский не восстановил в последующих изданиях повести изъятый цензурой важный для него текст? Аналогичная история произошла с романами «Преступление и наказание» и «Бесы», что породило среди специалистов дискуссии, продолжающиеся и в наше время (упомяну, в частности, главу «У Тихона» в «Бесах», изъятую по настоянию М. Н. Каткова, которой писатель чрезвычайно дорожил, но которую так и не восстановил впоследствии).

Что же касается «Записок из подполья», то отмечу следующее. После журнальной публикации повести (Эпоха. 1864. № 1–2, 4) она была включена в вышедшее вскоре Полное собрание сочинений Достоевского (издание Ф. Т. Стелловского. СПб., 1865. Т. 2. С. 193–228). По тексту этого собрания сочинений в 1865 г. вышло отдельное издание «Записок из подполья». При жизни Достоевского повесть больше не переиздавалась. Вечно загруженный спешной работой (нередко на кабальных условиях, как это было со Стелловским) писатель не имел ни времени, ни возможности вернуться к прежним своим произведениям.

Библиографический список

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.; СПб., 1972–1990.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 35 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 5. СПб., 2016.

Бочаров С. Г. «Записки из подполья»: «музыкальный момент» // Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. М., 2012. С. 127–134.

¹⁰ *Ковач А.* Роман Достоевского. Опыт поэтики жанра. Budapest, 1985. С. 328.

Буданова Н. Ф. «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского: некрасовский текст и подтекст // Русская литература. 2015. № 2. С. 148–155.

Буданова Н. Ф. «И свет во тьме светит...» К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. СПб., 2012.

Буданова Н. Ф. «Подполье» и «живая жизнь» в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Русская и мировая литература. Сравнительно-исторический подход. Уфа, 2014. С. 13–18.

Джексон Р. Л. Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М., 1998.

Ковач А. Роман Достоевского. Опыт поэтики жанра. Budapest, 1985.

Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.

Скафтымов А. П. «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 88–133.

Budanova N. F. *Notes from Underground*: mysteries of the censorship history of the novel

Key words: the censorship story, the underground man, the underground, the ideals of social order, crystal palace, Christian brotherhood.

The article contains analyzes the censorship history of Dostoevsky's *Notes from Underground*, in particular, the distortion of the text of chapter 10th. Dostoevsky reported about it to his brother Michael in the letter dated 26 March 1864. Difficulties in studying this question are due to the fact that the withdrawn text was not preserved. The author of this article proposes a new version of the causes and consequences of the censorship intervention based on the analysis of the novel in the context of some of Dostoevsky's works of the beginning of the 1860.

References

Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij*: In 30 vols. Leningrad, 1972–1990.

Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij*: In 35 vols. 2nd ed. Vol. 5. Saint Petersburg, 2016.

Bocharov S. G. “Zapiski iz podpol’ja”: “muzykal’nyj moment”. *Bocharov S. G. Geneticheskaja pamjat’ literatury*. Moscow, 2012. P. 127–134.

Budanova N. F. “Zapiski iz podpol’ja” F. M. Dostoevskogo: nekrasovskij tekst i podtekst. *Russkaja literatura*. 2015. N 2. P. 148–155.

Budanova N. F. “I svet vo t’me svetit...” *K harakteristike mirovozzrenija i tvorcestva pozdnego Dostoevskogo*. Saint Petersburg, 2012.

Budanova N. F. “Podpol’e” i “zhivaja zhizn” v “Zapiskah iz podpol’ja” F. M. Dostoevskogo. *Russkaja i mirovaja literatura. Sravnitel’no-istoricheskij podhod*. Ufa, 2014. P. 13–18.

Jackson R. L. *Iskusstvo Dostoevskogo. Bredy i noktjurny*. Moscow, 1998.

Kovach A. *Roman Dostoevskogo. Opyt pojetiki zhanra*. Budapest, 1985.

Mochul’skij K. V. *Gogol’. Solov’ev. Dostoevskij*. Moscow, 1995.

Skaftymov A. P. “Zapiski iz podpol’ja” sredi publicistiki Dostoevskogo. *Skaftymov A. P. Nravstvennye iskanija russkih pisatelej*. Moscow, 1972. P. 88–133.